

УДК 821.581
ББК 83.3(5Кит)
Ч58

Chi Li
HER CITY

Chinese edition copyright © 2011
by Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing, Ltd., China
Russian edition copyright © 2024 by MTS PJSC
ALL RIGHTS RESERVED
The Russian translation rights arranged through Righttol Media.
E-mail: copyright@righttol.com

Издается с разрешения автора при содействии его литературных агентов
Jiangsu Phoenix Literature and Art Publishing

Перевод с китайского *Натальи Власовой*
Дизайн обложки и иллюстрация *Ольги Лучиной*
Дизайн макета *Анны Анциферовой*

Ли, Чи.
Ч58 Ее город: [сборник] / Чи Ли; [пер. с кит. Н. Власова]. — Москва: Строки,
2024. — 384 с.— (Строки. Top-Fiction).

ISBN 978-5-00216-172-0

Сколько историй в этом мире можно рассказать с самого начала? Как минимум пять. О женщине, которая стала чистильщицей обуви, чтобы избежать позора. О самой вкусной лапше в Гонконге. О раздражении от столкновения с другой культурой. О сломе эпох и тщеславии человека, который однажды превратился в сигаретный пепел. И об истинных чувствах, на которые способны только дети.

УДК 821.581
ББК 83.3(5Кит)

ЧИТАЙТЕ В СТРОКАХ

ISBN 978-5-00216-172-0

© Чи Ли, текст, 2024
© Наталья Власова, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
Строки, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЕЕ ГОРОД

7

Склон Кэня

121

СИГАРЕТНЫЙ ПЕПЕЛ

143

КАЛЕНДУЛА И «ОРХИДЕЯ»

217

«ТОЛСТОВСКИЙ» ШАРФ

247

ЕЕ ГОРОД

*Этот день и так слишком затянулся.
Даже ночь они уже упустили.*

(1)

Это руки Фэн Чунь. Она чистила ботинки.

(2)

Это руки Фэн Чунь. Она все еще чистила ботинки.
Прошло пятнадцать минут.

(3)

Сестрица Ми скользнула взглядом по часам, стоявшим на кассе. Длинные тонкие пальцы потянулись за пачкой сигарет и зажигалкой. Она вытащила сигарету, зажала ее в губах, щелкнула зажигалкой, наклонилась над огоньком, с силой втянула в себя воздух, дождалась, пока табачный дым сделает круг в легких, и только потом слегка опустила голову, скривила рот и протяжно выдохнула в сторону, словно рядом никого и не было.

Сестрица Ми глядела исподлобья. У нее пожелтевшие пальцы, смуглое лицо, фиолетовые губы; помадой

она их красит зря, но ей нравится — так она чувствует себя женственной. Однако эта грубоватая затяжка демонстрирует ее армейское нутро. Внешне она кажется спокойной и кроткой, но какой бы спокойной и кроткой женщина ни выглядела, после восьми лет службы в армии она будет разительно отличаться, если ее усадить рядом с гражданскими. Говорит она приветливо и с улыбкой, но, разволновавшись, сразу становится воинственной. Сестрица Ми десять лет держала магазинчик «Мир штор» на улице Ханьчжэнцзе, продавая гардинную ткань оптом и в розницу. Улица Ханьчжэнцзе — самый первый из рынков мелких товаров, сюда стекались те, кто отсидел в трудовых лагерях и был выпущен на свободу, кто отчаялся, но обладал деловым чутьем, а еще всякие бездельники и прочие неблагонадежные элементы. Всех их привлекал аромат «политики реформ и открытости»*, и они трудились в поте лица, расшибаясь в лепешку. Здесь собрался разношерстный люд, включая и сомнительных личностей. Из местных мелких предприятий некоторые могли что-то купить и по ошибке, а вот продавали без-ошибочно. Такая среда сформировала сестрицу Ми как личность. В итоге она сделалась похожей на старую хозяйку чайной А-Цин, героиню образцовой пьесы**

* Программа экономических реформ, которые реализуются в Китайской Народной Республике с 1978 года и нацелены на создание так называемого социализма с китайской спецификой. *Здесь и далее — прим. перев.*

** Речь идет об опере «Шацзябан», созданной в манере пекинской оперы, — одном из восьми образцовых революционных сценических произведений. Это история о храброй хозяйке чайной, которая по совместительству является подпольным агентом КПК.

времен «Культурной революции»*. Сестрица Ми ничего не упускает, все видит, и ухо ее остро; она смелая, но осмотрительная, не боится трудностей и с любым находит общий язык. У нее огромный жизненный опыт, из-за чего выражение ее лица схоже с тем, какое бывает у повидавшего виды человека, и на мир она взирает с той долей отстраненности и презрения, которых он заслуживает. Такая женщина слишком велика для малого бизнеса и не любит просить об одолжении.

Прохожие за окном сновали туда-сюда по своим делам. Оставалось лишь гадать и тревожиться о том, как выживала на шумной рыночной улице крошечная лавчонка, специализировавшаяся на чистке обуви. Разумеется, саму сестрицу Ми эта мысль не оставляла ни на минуту, постоянно всплывая на поверхность души, — о чем, понятное дело, мало кто догадывался.

(4)

Сестрица Ми снова покосилась на часы на кассе. Двадцать минут прошло!

Фэн Чунь по-прежнему, оттопырив зад, крутилась волчком, полировала и так уже начищенные до зеркального блеска ботинки.

— Твою мать! — Два этих слова тихой яростью тронули губы сестрицы Ми.

* Серия идейно-политических кампаний, проводимых в 1966–1976 годах в Китае под руководством Мао Цзэдуна и направленных на борьбу с политической оппозицией.

В большинстве случаев людям требуется произнести какую-то фразу, чтобы унять гнев. Ничего не значащая, она просто помогает утолить злобу. Уханьцы часто восклицают «черт побери». Сестрица Ми в шестнадцать лет пошла в армию и там привыкла ругаться покрепче: «твою мать». Что же до ботинок, которые так старательно чистила Фэн Чунь, то это была действительно первоклассная пара. Сестрица Ми рассмотрела их — итальянские или английские. Ну и что? Твою мать, на одного клиента ушло слишком много времени!

«Время — единственный критерий проверки истины». Это один из излюбленных афоризмов сестрицы Ми. Крылатым выражением, как и нецензурной брани, она научилась в армии. Сестрице Ми очень нравится эта фраза. Время — и правда единственный критерий проверки истины. Касается ли дело любви или чистки обуви. Причем на примере чистки обуви пояснить даже легче, чем на примере любви. Пять лет назад при чистке кожаных ботинок приходилось развязывать шнурки, старательно вычищать все труднодоступные щелки, и какими бы проворными ни были руки, на все про все уходило минут семь, а то и восемь. С ростом цен самый популярный крем для обуви подорожал с трех цзяо до трех юаней*. Совершенно бессмысленная ситуация: цены на рынке растут на все подряд, и только чистильщики обуви должны держать их на прежнем уровне. Как-то раз

в одной из лавочек на той стороне пешеходного моста Людучяо попытались поднять цену до пяти юаней — так некоторые клиенты сердито возразили: «Разве вы не филиал такой-то сети?! В Ухане почистить ботинки стоит два юаня, куда вы цены задираете?!» Как будто чистить обувь сродни долгу, и надо работать без вознаграждения. Твою мать, это все общественное мнение. Общественное мнение зачастую высокомерно, и ему очень трудно бросить вызов. Что ж, позволим обществу эту наглость. Сестрица Ми умеет приспосабливаться. Она не задирает оплату выше непоколебимых двух юаней. Глупо? О нет, она не дура. В этом мире ошибки совершают только покупатели, но не продавцы. Если нельзя повысить цену в открытую, то почему бы не сделать это скрытно? Если стоимость чистки обуви увеличивать нельзя, то почему бы не увеличить стоимость чего-то другого? И вот уже чистку кожаных сапог и босоножек перестали называть «чисткой» — теперь это именуется «уходом», да и прогулочную обувь и кроссовки больше не чистят, а «обслуживают». При виде простеньких босоножек с тремя тоненькими ремешками сестрица Ми восклицает в изумлении: «Какие эффектные туфельки, на всей нашей улице только вы можете надеть их и быть индивидуальностью!» Всего-то одно предложение, но дело сделано. После «ухода» вы ей и пять юаней заплатите, и даже восемь, если попросит.

Именно модой крупные магазины запугивают покупателей. Любители ходить по магазинам в шумном городе больше всего боятся показаться старомодными, так что готовы отдать дополнительные три-пять

юаней. Развитие бизнеса в настоящее время — это игра с идеями и временем. Времени, за которое раньше чистили три пары ботинок, теперь хватает на шесть пар. Чем больше клиентов заглядывают в лавку, тем выше ее популярность. Все обожают рисоваться перед окружающими, и на этом можно заработать, совершенно точно! Единственная проблема сестрицы Ми состоит в том, что она начальница, сама обувь не чистит, поэтому время сосредоточено не в ее руках — она полностью зависит от проворности нанятых сотрудниц.

— Эй! Надо каждую минуту следить за временем! — ежедневно яростно рывкает сестрица Ми, а потом добавляет с улыбкой, отчего на щеках появляются ямочки: — Ну пожалуйста!

Методом кнута и пряника сестрица Ми овладела в совершенстве. Чистильщиц обуви, которые работают на нее, она крепко держит в кулаке. Что за человек сестрица Ми? Она разбогатела на улице Ханьчжэнцзе! Этим все сказано!

Фэн Чунь начала трудиться тут три с лишним месяца назад. Она должна понимать. И разумеется, понимает. Если бы не понимала, то сестрица Ми выдержала бы ее максимум три дня. Три дня нужны, чтобы не ударить в грязь лицом перед всей улицей. Сестрица Ми твердо придерживалась принципа, согласно которому «заяц не ест траву возле собственной норы», — у военных он называется «сотрудничеством гражданских и военных» и подразумевает, что нельзя пакостить там, где живешь. Это очень важные межличностные отношения, и даже если вы терпите убыток — улыбайтесь. Но всему есть предел. «Я готова три дня терпеть убыт-

ки ради твоего развлечения, но трех дней великодушия вполне достаточно». Обычно при найме на работу дают испытательный срок один день. А сестрица Ми — сама доброта. Кормит два раза бесплатно, наливает чай с хризантемой. Если это не доброта, то что тогда? Большинство чистильщиц обуви — из семей рабочих-мигрантов, так что сестрица Ми помогает бедным.

Но Фэн Чунь вовсе не из семьи мигрантов. Она замужем за красавчиком Чжоу Юанем, который живет в квартале Ляньбаоли. До свадьбы девушка трудилась в самом роскошном офисном здании Ханькоу* под названием «Новый свет». Чжоу Юань и Фэн Чунь — молодая семья, прекрасная пара, еще и сына смогли родить**; все жители улицы Шуйтацзе и окрестностей им завидовали и пристально следили за их жизнью. Их родители гарцевали по улице, сияя от гордости. Когда в тот день Фэн Чунь пришла и попросила взять ее на работу, сестрица Ми воскликнула:

— Ха! Ты меня разыгрываешь, что ли?

Кто ж знал, что Фэн Чунь совершенно серьезна. Она просто ответила:

— Я не шучу.

Сестрица Ми не стала церемониться и попала в самую точку:

— То есть это не шутка — искать работу, лишь бы позлить мужа?

* Одна из трех частей метрополии Ухань.

** По китайским представлениям очень важно произвести потомка мужского пола, поскольку только он может кормить души предков после смерти.

Фэн Чунь была ошеломлена:

— Откуда ты знаешь, что я на него злюсь?

Сестрица Ми лишь пренебрежительно приподняла брови в ответ.

Фэн Чунь простонала, а затем честно сказала:

— Хорошо, признаю, я разозлилась и просто хочу спровоцировать Чжоу Юаня, а то он вконец разленился! Но, сестрица Ми, я же знаю, что ты открыла лавку, чтобы деньги зарабатывать, и это самое важное. Если ты примешь меня на работу, я обещаю трудиться наравне с остальными, усердно и в полную силу!

Услышав эти слова, сестрица Ми нахмурилась, а потом, пристально глядя на Фэн Чунь, проговорила:

— Слушай, ты, можно сказать, выросла на этой улице. Я раньше думала, что ты у нас тихоня, а ты, оказывается, за словом в карман не лезешь. Неудивительно, что Юань на тебя глаз положил, хотя за ним столько девчонок бегали.

Фэн Чунь наклонила голову и больше не стала сыпать цветастыми фразами. Одетая она была просто: в джинсы и черный свитер, на ногах — кроссовки, лицо без косметики, в волосах — несколько высветленных прядей. Женщина тридцати с лишним лет от роду, она выглядела на двадцать пять и напоминала студентку университета. Сестрица Ми никогда не рассматривала Фэн Чунь столь пристально, и сейчас увиденное ей понравилось, так что она готова была согласиться.

Но хотя сестрица Ми и готова была согласиться, она не из тех, кто утаивает правду, поэтому без обиняков заявила:

— Фэн Чунь, давай я сразу скажу тебе кое-что неприятное. Во-первых, зарплата тут куда меньше, чем ты себе представляла, а работа куда утомительнее, так что будь к этому морально готова. Во-вторых, это бизнес, мы работаем за деньги, и значит, у тебя должны глаза блестеть, а руки летать, тебе придется из камня воду выжимать и не трепаться с товарками. Если эти два условия тебе подходят, то попробуй поработать три дня, а если нет, то сразу откажись.

Фэн Чунь тут же ответила:

— Мне подходит!

Прошло три дня. Потом неделя. Сестрица Ми увидела, что Фэн Чунь не просто покладистая, а действительно покладистая. Учитывая ее статус, все знакомые собирались перед дверями и наблюдали за тем, как она чистит обувь. Да, она нанялась в сердцах, но сказать-то легко, а сделать сложнее. Соседи по улице были потрясены и под разными предлогами приходили в лавку, чтобы поглазеть. Родителям Чжоу Юаня словно пощечину влепили, и они уже не могли не принужденно расхаживать туда-сюда. Фэн Чунь сдержала слово — она и правда поступилась собственной гордостью и работала на совесть, хотя и через силу. Если говорить о покладистости Фэн Чунь, то она отличалась от остальных женщин: у тех на устах был мед, а глаза искрились. Глаза Фэн Чунь не искрились, их лишь слегка увлажняли слезы; взгляд ее был ровным, словно ласковое солнце в ясный день, а все, что происходило вокруг, отпечаталось только в ее сердце.

Некоторые чистильщицы, даже проработав три, а то и пять лет, боялись дорогих вещей. В конце

концов, эти деревенские женщины перебрались в город всего-то лет десять назад и не разбирались в кожаной обуви. Фэн Чунь по собственной инициативе забирала такие заказы. Обычно, если приходилось чистить кожаные ботинки, то Фэн Чунь управлялась стремительно, весь процесс занимал у нее две-три минуты: смахнуть пыль, нанести крем, отполировать. Потом взять деньги. И проводить клиента. Она понимала, что на быстроту нацелены оба участника процесса. Клиенты усаживаются, вытягивают ноги, достают мобильники и увлеченно отправляют сообщения, а чистильщицы обуви не интересуется ничем, кроме полировки ботинок, и они в два счета приводят в порядок «второе лицо человека». Некоторые чистильщицы на прощание говорят клиенту «пока-пока», да еще и по-английски — «ба-а-ай», а Фэн Чунь просто смотрит и многих даже этими словами не удостаивает. Сестрица Ми из-за этого еще больше ценила Фэн Чунь. Чистка обуви — всего лишь бизнес, ни к чему красоваться. Делай свою работу, не поднимая глаз. Фэн Чунь полировала обувь, заодно полируя свою холодную привлекательность. Похоже, в каждой профессии есть свои умельцы. Нет в мире низкой работы, есть лишь низкие люди.

Однако Фэн Чунь не только покладистая — она еще и несколько наивная. Сестрица Ми постепенно прониклась к девушке. С самого начала она и Фэн Чунь понимали истинное положение вещей, и обе считали, что Фэн Чунь проработает дней десять, может, пятнадцать, от силы пару месяцев. Чжоу Юань попробует помириться или не выдержит давления со стороны родителей, явится в лавку и настоит на том, чтобы

забрать оттуда жену. Но! Как ни странно, Чжоу Юань так и не появился. А Фэн Чунь продолжила упорно трудиться, продержалась уже три с лишним месяца и не собиралась сдаваться, превратившись в настоящего специалиста. Фэн Чунь никого не упрекала, не проклинала, не обвиняла мужа и, движимая злостью, трудилась в поте лица. Подобного сестрица Ми на своем веку никогда не видала.

— Этих двоих бес попутал... — говорила сестрица Ми, которой оставалось только тайком ругать Чжоу Юаня: — Вот же сопляк, твою мать! Ясно же, что жена уже дошла до ручки, а он не торопится ее забирать! Подулся бы пару дней и все, а этот притворяется, будто ничего знать не знает, и со злости заставляет жену мучиться! Что за мужик?!

Сестрица Ми действительно не могла не ругать Чжоу Юаня, ведь на самом деле в первую же неделю после появления в лавке Фэн Чунь отправила ему сообщение. В ответ — ни звука. Будь Сун Цзянтао жив, он не допустил бы такого беспредела. Да, Сун Цзянтао умер, но сестрица Ми — одна из самых уважаемых жительниц округа. Она, конечно, довольно своеобразная женщина, однако Чжоу Юань слишком непочтителен к старшим. Твою ж мать! Сестрица Ми сердилась, но ей не хотелось препираться с Чжоу Юанем. Так что она просто позволила Фэн Чунь и дальше работать в лавке. Как бы свысока окружающие ни смотрели на лавку сестрицы Ми, она по-прежнему вела дела с гордо поднятой головой. Что ж, Фэн Чунь с ее университетским дипломом нельзя теперь чистить обувь? Ведь бывает же, что выпускники Пекинского

университета и университета Цинхуа торгуют свиной на улице. Если Чжоу Юань такой придурок, то пусть его старикам будет стыдно! Так им и надо!

(5)

Проблема в том, что сестрица Ми изначально спокойно сидела у себя в лавке. А вот беда пришла без приглашения.

Прошло двадцать пять минут! Фэн Чунь, разумеется, продолжала чистить ботинки. Она слишком увлеклась общением с клиентом. Они то и дело тайком обменивались взглядами, тихонько перешептывались, все время смеялись, не обращая внимания на окружающих.

Сестрица Ми внимательно наблюдала, не выпуская изо рта сигарету. Она печалилась, негодовала и переживала. Как так получается, что чувства между мужчиной и женщиной вспыхивают безо всякого предупреждения, словно искра, и совершенно не подчиняются здравому смыслу?!

Изначально ссора между супругами была сущей ерундой, но эта ссора затронула и сестрицу Ми. Однако всему же есть предел: нельзя, чтобы Фэн Чунь спровоцировала скандал в лавке! Даже если Чжоу Юань безответственный, а сестрица Ми сопереживает Фэн Чунь, это не значит, что можно прямо здесь крутить шуры-муры за спиной мужа! Куда занесет нелегкая Фэн Чунь, сестрицу Ми не касается. Но сейчас Фэн Чунь работает на нее, а значит, сестрица Ми должна

ее контролировать. Сестрица Ми открыла лавку прямо у дома, вся улица Шуйтацзе — это несколько поколений соседей, дальних родственников, которые общаются друг с другом каждый день. Если вдруг происходит какая-то неприятность, то сестрица Ми ничего никому не может рассказать, даже собственной свекрови, очень уважаемой женщине восьмидесяти шести лет от роду, особенно учитывая, что лавка расположена в принадлежащем ей помещении, а сама старуха живет на втором этаже. Чжоу Юаню и его родне сестрица Ми тоже ничего не расскажет. Чжоу Юань мог позволить себе всякие глупости, но сестрица Ми — нет!

Фэн Чунь работала у нее уже три с лишним месяца, и сестрица Ми ей симпатизировала. Она думала, будто ей досталась умная, серьезная и покладистая девушка, и не могла себе представить, что внезапно у нее под самым носом случится такое.

Если уж речь идет о Фэн Чунь, то сестрица Ми знает всю ее биографию. Родители девушки работали на городском маслобойном комбинате. Семья из трех человек жила в общежитии. Отец техник, мать бухгалтер, простые скромные люди, сейчас уже на пенсии, вырастили такую же скромную дочку. Девочка с детства любила учиться и сновала туда-сюда по Пятой улице Цяньцзинь в свободной школьной форме с увесистым портфелем. Через несколько лет после окончания университета она устроилась на работу в офис в деловом центре «Новый свет». В тот период мимо окон сестрицы Ми фланировала модная штучка. Фэн Чунь надевала приталенный костюм, подчеркивавший изгибы фигуры, и туфли на высоком каблуке, наносила макияж. Вместе

с коллегами она приходила к воротам, откуда начинался квартал Ляньбаоли, чтобы поесть шашлыка, а Чжоу Юань выбегал из ворот и спешил заплатить за всех. Назвать Чжоу Юаня красавчиком можно было безо всякого преувеличения, посмотришь — и глаз радуется. На улице Шуйтацзе много парней, у большинства внешность самая заурядная, немало и страшненьких — ни рожи, ни кожи, — а вот писаным красавцем уродился только Чжоу Юань. Он выкатывался на роликах из узкого и ухабистого квартала Ляньбаоли, сворачивал за угол и резко останавливался перед киоском, торговавшим шашлыками и закусками, вытаскивал пачку банкнот и платил за всех, несмотря на протесты девушки. Коллеги Фэн Чунь глядели на него прямо, без изумления и зависти.

Постепенно эта парочка сошлась. Дети поладили, а дальше за дело взялись родители с двух сторон. Обе семьи были из Ханькоу и знали местные порядки: отправить сватов, сделать предложение, прислать подарки невесте, выбрать благоприятную дату. Родители Чжоу Юаня освободили для молодых дом в квартале Гэнсиньли, а родители Фэн Чунь приобрели постельные принадлежности и всякую бытовую технику*. В назначенный день все соседи на улице Шуйтацзе получили ярко-красные приглашения и отправились на свадебный банкет, приготовив красные конверты**.

* По китайским традициям семья жениха еще до свадьбы обеспечивает молодых жильем, а семья невесты делает там ремонт, приобретает обстановку и бытовую технику.

** В Китае красный — цвет свадебного торжества, он символизирует радость. В красные конверты запаковывают денежный подарок молодым.

Разумеется, сестрица Ми и Сун Цзянтао были почетными гостями. Восемь лет назад дела у супругов шли прекрасно, а потому на свадьбу соседей они принесли красный конверт толщиной с кирпич. Молодые несколько раз подходили к ним, чтобы выказать свое уважение. Чжоу Юань подносил вино Сун Цзянтао, благодарил со слезами на глазах и все время первый осушал свою стопку. Сестрице Ми тогда показалось, что молодожены похожи на марионеток: они, словно попугаи, без конца покорно талдычили «спасибо, спасибо». На свадьбе сестрица Ми смотрела на Фэн Чунь как на незнакомку, и больше никакого особого впечатления девушка на нее не произвела.

Она куда лучше знала жениха. Чжоу Юань родился и рос в Гэнсиньли, а его бабушка жила в квартале Ляньбаоли. Кварталы разделяла только Пятая улица Цяньцзинь. Чжоу Юань жил на два дома, к тому же мог пообедать и даже переночевать у кого-то из друзей-мальчишек, даже не спрашивая разрешения у родителей. Чжоу Юань от природы был невероятно красивым, а в детстве — так и вовсе очаровашкой, все соседи его обожали, и он привык, что его тискают и постоянно с ним сюсюкаются. Он любил похвалы, редко показывал свой характер, а когда упрямился, его хватало максимум на полдня; если же друг заговаривал первым, то Чжоу Юань тут же подхватывал — доброе имя друга для него превыше всего. Учился он средненько, зато обожал повеселиться и делал это с размахом. После окончания школы работал на Четвертой улице Цяньцзинь, где были сосредоточены магазины, торгующие электроникой.

Спустя немного времени после свадьбы Фэн Чунь родила сына. Ребенку предстояло стать единственным* наследником семейства Чжоу Юаня, так что старики грезили о мальчике; получив внука, они неимоверно обрадовались и, когда новорожденному исполнился месяц, снова закатили пир для всех соседей. В этот раз сестрица Ми и ее супруг не смогли присутствовать на банкете. На плановом медицинском осмотре у Сун Цзянтао диагностировали рак, и он упал в обморок, услышав диагноз. Сестрица Ми возила мужа по крупным больницам Пекина и Шанхая, денег потратила немалую, но через полгода Сун Цзянтао не стало. Сестрица Ми тяжело переживала утрату. Каждый день она смотрела в зеркало и видела новые и новые морщинки; она постоянно чувствовала, что внутри скапливаются слезы, которые не могла выплакать. Истории всех остальных людей для нее в тот момент отошли на задний план, побледнели и размылись, звуки города тоже стихли.

И вот по прошествии нескольких лет Фэн Чунь внезапно ворвалась в лавку сестрицы Ми. Сестрица Ми пробудилась ото сна, продрала глаза и увидела, что мир-то никуда не делся и все происходящее за окном по-прежнему находится у нее перед самым носом. Оказывается, если сердце умирает, человеку стоит сделать вдох — и оно оживает. Да, сестрица Ми знала: Фэн Чунь поссорилась с мужем из-за того, что Чжоу Юань ленивый, слишком любит развлекаться и не содержит семью.

* В 1979–2015 годах в КНР проводилась демографическая политика «одна семья — один ребенок», направленная на сокращение численности населения.

Прежде она частенько наблюдала за тем, как они вдвоем катили коляску, фотографировали малыша и все вместе отпраплялись в «Макдоналдс» в гостинице «Сюаньгун». Постепенно Чжоу Юань присоединялся к жене и сыну все реже, ребенка часто вела за ручку одна Фэн Чунь. А потом и вовсе только она. Что значит «время — единственный критерий проверки истины»? Вот то и значит!

Сестрица Ми не ошибалась. Раньше ей было наплевать на такие истории простых людей. Она с трудом управлялась с работой и столь увлеченно считала деньги, что пальцы болели. Свое время она уделяла только тем, кто мог ей пригодиться. Но нынешняя сестрица Ми не такая. Она смотрела на супружескую пару, и сердце ее ныло. Она думала: «На улице — целые толпы народу, а вы выбрали друг друга, это непросто! Да, повседневная жизнь очень скучна; и сойтись на самом деле можно в мгновение ока, а расстанетесь вы уже навсегда». Поэтому сестрица Ми очень надеялась, что Чжоу Юань и Фэн Чунь помирятся. Фэн Чунь пришла в ее лавку специально, чтобы подразнить мужа, чтобы он ее пожалел, и сестрица Ми согласилась. С возрастом она становилась человеком, о котором говорят «острый язык, да мягкое сердце». Но, несмотря на мягкосердечие, сестрица Ми не забывает о прибыли. Она точно знает, что делает. Иначе не стала бы нынешней собой.

Прошло тридцать минут! Фэн Чунь по-прежнему оттопыривала свою упругую попку, крутясь, как юла; руки в медицинских резиновых перчатках кремового цвета полировали пару изящных черных кожаных ботинок так, что на их поверхности словно распускались цветы. В Фэн Чунь, кажется, вселился бес.

И точно. В Фэн Чунь вселился бес. Она ничего не могла с этим поделать — она не в состоянии предвидеть или предугадать, как развернутся события, поскольку все предопределено.

Раннее утро. Фэн Чунь еще нежилась в кровати. Чжоу Юань уже давно оставался ночевать у друга. Сына она отдала родителям. Так что утром можно поваляться. Но в большом городе отсутствует такое явление, как «раннее утро». Спозаранку на улицах толчея, выхлопные газы от бесчисленного множества машин соединяются с дымом от печек торговцев завтраками, делая утренний туман более тяжелым и мутным. Солнце еле-еле проглядывает между многоэтажками. Правда, в окрестностях улицы Шуйтацзе и проспекта Чжуншань, самом оживленном районе Ханькоу, по утрам даже общественный туалет на обочине Пятой улицы Цяньцзинь и то важнее солнца. Сколько жителей ближайших кварталов вскакивают с кроватей и мчатся к нему, чтобы встать в очередь, втиснуться в кабинку и справить нужду, не терпящую отлагательств. История этого общественного туалета насчитывает несколько десятков лет, и все эти несколько десятков лет утреннее солнце над улицей Шуйтацзе уступает ему пальму первенства. Души* отказываются

* Согласно китайским поверьям, каждый человек имеет несколько душ: одни составляют плотскую, земную душу (по), другие — небесную, бессмертную (хунь). Души могут покидать телесную оболочку не только после смерти человека, но и в пограничных состояниях (сон, болезнь).

возвращаться в тело, пока человек не сходил в туалет. После этого уже можно вернуться домой, умыться, затем снова выйти на улицу и на лотке у обочины купить лапшу на завтрак*. Такую лапшу уханьцы обожают; ее можно подавать с рисовым вином, в которое по желанию добавляют сырое яйцо, с соленым пончиком «мяньво», который прекрасно подходит к рисовому вину с яйцом, или с жареным во фритюре хворостом «юйтiao», который хорошо запить просто рисовым вином, — такие сочетания предпочитают уханьцы. Неместные вряд ли поймут, почему тушеная лапша считается вкусной. Деликатесы — вещь такая, о вкусах не спорят, каждому свое. Повалиться подольше в кровати, поесть тушеной лапши. Как же это приятно. Но хорошенького помаленьку.

Фэн Чунь вдоволь повалялась в постели и уже собиралась пойти завтракать, как у нее вдруг задергалось веко. На душе стало беспокойно. Она решила, что это из-за тушеной лапши, — сегодня ей наверняка не достанется любимое блюдо. Впоследствии так и оказалось: тушеную лапшу, которую она хотела купить, всю разобрали. Веко дико дергалось, но Фэн Чунь проявила все свое упрямство. Не верила она в такие приметы! И потому увлеченно искала лапшу, не отвлекаясь. Она шла вперед, обходя лотки один за другим, и в итоге дошла до конца проспекта Чжуншань, до берега реки, где купила-таки еду по вкусу. Когда она покончила с завтраком, уже почти настал полдень.

* Речь идет о местном блюде — «жгучей» тушеной лапше.

Смена Фэн Чунь начиналась как раз в двенадцать часов. В это время несчетное количество людей выходили на улицу и сливались в непрерывный поток, который с этого момента уже не иссякал. По мере того, как солнце двигалось по небу, смещаясь к западу, свет постепенно становился прозрачнее, лился широкой струей, яркий и бесстрастный. В бой вступало заходящее солнце, которое било ослепительным блеском в самое сердце города, пробивая насквозь все витрины — начиная от больших магазинов и заканчивая мелкими лавочками — и наполняя мир радостью. Лица людей светились даже при взгляде на незнакомцев. Вот тогда-то и наступало золотое время для шумной торговой улицы.

В двенадцать часов сестрица Ми просила выйти лучших своих работниц. Фэн Чунь проработала всего три месяца, но уже тоже считалась одним из ключевых сотрудников и сама горько смеялась над этим. В порыве злости на мужа она упростила сестрицу Ми взять ее к себе чистильщицей обуви, сестрица Ми согласилась лишь из уважения, даже пыталась отговорить, так что теперь у Фэн Чунь не было пути к отступлению. Придется ей засунуть свою гордость куда подальше. Здесь кругом одни знакомые, и если у Чжоу Юаня нет ни стыда ни совести, то Фэн Чунь не такая!

Сначала Фэн Чунь бралась за дело скрепя сердце, но постепенно прониклась. Нет в мире низкой работы, есть только низкие люди.

Даже после тушеной лапши веко Фэн Чунь продолжало дергаться. Она сделала компресс, приложив горячее полотенце, но безрезультатно. Тогда она наклеила на веко кусочек лейкопластыря, чтобы удер-

жать его на месте, однако на входе в лавку сестрицы Ми отлепила его. Чистка обуви — тоже работа. А на работу надо являться в пристойном виде. Фэн Чунь хотела уточнить у сестрицы Ми: левое веко дергается к богатству, а правое — к беде? Или наоборот? Но когда слова уже крутились на кончике языка, в голову пришла другая мысль: нельзя спрашивать! Фэн Чунь почувствовала, что от этих расспросов станет хуже. А ей на самом деле и так уже несладко. Ощущения не приходят просто так, а если приходят, то легко от них не избавишься. Что сегодня должно случиться? Неужто Чжоу Юань заявится? Если и правда муж придет и попросит Фэн Чунь вернуться с ним домой, то как она поступит? Девушка не сомневалась: это связано с ее пререканиями с Чжоу Юанем. Она так долго мусолила эту мысль, что невольно принялась оглядываться. Постороннему человеку могло показаться, что сегодня у Фэн Чунь слишком уж блестят глаза.

Лавка сестрицы Ми расположена в самом процветающем районе неподалеку от проспекта Чжуншань; она первая по ходу от квартала Ляньбаоли, а рядом тянутся еще две оживленные улицы — Первая Цзянхань и Пятая Цяньцзинь. На Первой улице Цзянхань стоят гостиница «Сюаньгун» и Центральный универмаг — старые здания, построенные еще до Освобождения*, в таких всегда чувствуется аристократический дух. В конце Пятой улицы Цяньцзинь во дворе возвышается водонапорная башня, возведенная бри-

* Имеется в виду 1949 год, когда была образована КНР.

танцами на двадцатый год правления под девизом Гуансуй*, — пятиэтажное крепкое строение с облицовкой из красного кирпича и колокольной под самой крышей. Водонапорная башня прекрасна, откуда на нее ни посмотри. На другой стороне проспекта Чжуншань в последние годы выросли коммерческие здания, на стеклянных стенах которых сменяют друг друга огромные рекламные щиты, броские и модные.

Лавка сестрицы Ми занимает лучшее место. Лучшее, но крошечное. Лавка настолько мала, что в два счета можно попасть во внутренний дворик; там стоит на сваях небольшой дом, где живет свекровь сестрицы Ми, а внизу тоже работают чистильщицы. Такая вот лавочка, которая не подчиняется никаким правилам и замерам: большая, но величиной с ладошку. Просто сестрица Ми умеет вести дела и недостатки один за другим превратила в достоинства. Она специально не облицовывает плиткой и не штукатурит старую кирпичную стену и не красит перегородки. Та часть, что лишена отделки, источает аромат древности, а та, что требует ремонта, соответствует художественному вкусу иностранных туристов. На земле сидят на корточках и работают пять или шесть чистильщиц обуви. Стены лавки и все потайные уголки оборудованы многочисленными подвесными полками, на которых выставлена всякая всячина: простая холщовая одежда, тканевые подушечки, глина-

* «Гуансуй» (кит. «славная преемственность») (1875–1908) — девиз правления предпоследнего императора династии Цин (собственное имя Цзайтянь). Власть в это время фактически находилась в руках его тетки, вдовствующей императрицы Цыси.